

© 2009 г. И.Г. ДОБРОДОМОВ

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ КАЛАМБУРЫ И ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДОСТОВЕРНОСТЬ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

В статье критически рассмотрены причины ошибок в словарях и комментариях издателей к слову *сушир*, исправить которые помогает привлечение значительного числа литературных контекстов и свидетельств народных говоров, а также причины ошибок в толкованиях двух жаргонных выражений (*смотреть на Знаменье*, *смотреть на Смольное*) из «байкового языка» питерских мазуриков, зафиксированных В.И. Далем, и история различения и смешения слов *жолнёр* и *жалонёр*. Эти случаи представляют различные пути забвения уходящих в пассив номинаций и их семантизации впоследствии.

В одной из своих последних статей В.В. Виноградов обратил внимание на трудности для правильного понимания древних текстов, встречающиеся исследователям и которые приводят к «наивно-каламбурным толкованиям» на базе народно-этимологического сближения похожих и поэтому затруднительных для понимания слов, к «каламбурно-этимологическим домыслам о составе и образовании слов – при отсутствии конкретных данных об истории их значений». Преодоление этих недостатков ученый видит в следующем: «Не только при создании исторических словарей того или иного языка, но и при составлении словарей-справочников применительно к ограниченным периодам развития языка необходимы предварительные разыскания по истории слов, по их конкретно-исторической семантике и по их историко-этимологическим судьбам и связям» [Виноградов 1968: 17].

Практика лексикологических разысканий показывает, что эти поучительные слова сохраняют справедливость и применительно к чтению текстов нового времени. Описание слов, ушедших из сферы активного употребления, таит в себе немало трудностей, тем более опасных, чем менее устарелость таких слов очевидна. Лексикограф, оказываясь в роли посредника между старыми авторами, употреблявшими уже забытые к нашему времени слова, и современными нам читателями, которые хотят эти слова понять, берет на себя трудную миссию рассказать своим современникам о том, что при недостаточной начитанности не всегда подкреплено его собственным лингвистическим опытом и чутьем. В подобных ситуациях, поскольку речь идет о понятном в общих чертах языке даже не очень далекого прошлого, особенно велик риск недооценить некоторые детали, очевидные для людей прошлого и слабо релевантные для нас в силу значительных различий в практике повседневности.

Такого рода трудности часто ведут к ошибкам. Например, хроническое сейчас ошибочное понимание в большинстве словарей слова *облучок* ‘ограждение кузова, бортовые брусья телеги, саней’ как *козлы* ‘сидение для кучера’ в пушкинском контексте «*Ямищик сидит на облучке*» [Добродомов, Пильщиков 2002] показывает, насколько неощутимо мы переносим наши представления о роли нынешнего водителя на кучера, забывая об отличиях в скорости и способе управления.

Даже ясные цитаты служат о с н о в о й для сомнительных словарных статей при их уникальности. Например, на основании лишь одной цитаты построена словарная статья большого академического «Словаря современного русского литературного языка», где толкование содержалось в цитате: «*Мáйер*, а, м. Обл. Густой тростник. *Эта речка.. превращается в широкий пруд, по краям и кое-где по середине заросший гу-*

стым тростником, по орловскому – майером. Тург. Льгов» [БАС₁, VI: 500], – откуда слово попало в «Сводный словарь с о в р е м е н н о й русской лексики». В.И. Даль, опираясь на тот же источник, исключил контекстное уточнение *густой*: «**МАЙЕРЪ** м. орл. тростникъ, камышъ (куга, ситникъ? аиръ?) (Тург.)» [Даль₂, II: 290]. Точное значение и сейчас остается неясным, что явствует из «Словаря орловских говоров»: «**Майер**, а, м. Травянистое растение (какое?) Прут майиръм зарос <..>. У нас майир ни растет, йиво окълъ балот и прудов много <..>. В агароде маира выръсла много <..>. Майир – майский цветок, листьа сверху зиленьи, снизу белый <..>» [Сл. орл. 1994: 109]. Последний пример напоминает мать-и-мачеху или калужницу.

Предметы быта, ушедшие за пределы непосредственного опыта, нечувствительно сливаются в представлениях о прошлом, как, например, отождествление названия ночного горшка *урыльник* с *умывальником* в ряде словарей как раз просветительского характера [Елистратов 1997: 533; Беловинский 1999: 468; Байбурин, Беловинский, Конт 2004: 541], см. об этом [Добродомов 2002]. Все это создает с трудом преодолимые препятствия при толковании старых слов.

При этом, декларируя примат нормативности, нередко без должной осмотрительности переносимый в прошлое, лексикографы часто забывают и о том, что динамика лексического состава XIX века нам дана лишь в точечных нерегулярных фиксациях, а несходство сословных вариантов русской речи в прошлом нередко проявлялось и в различном понимании одного и того же слова, иллюстрацией чего могут послужить полузабытое и лишь порой полувспоминаемое слово *супир* и его ласкательная форма *супирчик*, довольно широко употребительные в XIX веке.

В нынешних русских общих (толковых и энциклопедических) словарях название *супир* не встречается. Нет его и в «Словаре современного русского литературного языка», хотя в большой словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН на *супир* имеется не менее 5 карточек¹.

Первая в современных словарях лексикографическая попытка пояснить слово *супир* относится к середине XX века, когда в 1950 г. был подготовлен «Словарь к пьесам А.Н. Островского», вышедший только в 1993 году; она опиралась лишь на один иллюстративный пример из «Горячего сердца», где приказчик самоутверждается, демонстрируя свой ценный перстень сыну недавно разорившегося купца:

«Н А Р К И С Ъ (*показывая перстень*). И супиры тоже можемъ имѣть, что, которые купеческіе дѣти есть, такъ, можетъ, и не видывали. <..>» [Островский 1869: 74]. I

Приводимое в словаре толкование: «**СУПІР** – сапфир» [Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993: 202], – представляет собой явный «историко-этимологический каламбур», возникший в результате сближения паронимов и явно ошибочный. Эта линия толкования оказалась довольно живучей. В комментариях к «Горячему сердцу», не без влияния этого словаря, публикация которого готовилась при участии одного из комментаторов (В.Я. Лакшина), читаем: «*Супиры* – сапфиры» [Островский 1974: 90].

Здесь в толковании роковую роль сыграло соблазнительное созвучие между словами *супир* и *сапфир*. Возможность такого ошибочного отождествления созвучных слов в несколько ином виде находим в романе Н.А. Лухмановой «Институтка», где горничная Лиза под влиянием барышни целенаправленно изгоняет из своей речи «коверканые слова», но все же допускает вместо *сапфир* произношение *сапир* ‘?’:

«..Да вѣдь всѣ знаютъ, что вы, окромя жемчугу и сапировъ, не носите ничего. – Не окромя, а кромѣ, Лиза! Сколько учу! И не сапиры, а сапфиры, слышишь!» [Лухманова 1904: 41]. II

¹ Они приведены в статье под номерами: I, VI, XII, XVII, XXXI.

Ошибочное отождествление *супира* и *сапфира* стало обрастать не менее яркими неверными подробностями в разных компиляциях, которые создали целую неукоснительную традицию популяризации ошибки, напр.: В.С. Елистратов так описывает это слово, ибо целиком уверовал в толкование одного, лукаво не названного источника [Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993: 202], хотя и обнаружил некоторую неуверенность в связи с отождествлением в цитируемом им другом тексте *драгоценного супира* с *колечком*. Для этого, правда, пришлось прописать в Москве и поименовать «мещанским любовным посланием» анонимное четверостишие, списанное в 1909 г. во Владимире с садовой скамьи и помещенное Е.П. Ивановым в серию стихотворений цирюльников; в этой надписи *драгоценнейший супир* прямо именуется *колечком*:

«На вашем пальчике колечко – драгоценнейший супир, | А я страдаю без надежды, про-
клиная весь мир... | Ваш папаша гонит прочь меня, | Мне все едино, когда хрюкает свинья»
[Иванов 1985: 202–203].

III

Столь же фантастичны колебания и детали, сопровождающие толкование: «**СУ-ПІР**. Сапфир. Вероятно, употреблялось как междометие типа «ах!», «прелесть!», а также в предметном <?!> зн.: “вздых”». Эти колебания иллюстрируются цитатами из Островского I и Иванова III.

Далее к колебаниям от геммологического толкования к междометному добавляется еще третье с народной этимологией: «Речь идет о перстне с сапфирами. Ср. франц. *soupire* <sic!> – вздох» [Елистратов 1997: 502].

Источником заблуждения о междометном характере слова *супир* в цитируемом словаре послужило коварное графическое сходство забытого слова *супір* с современным малограмотным написанием без обозначения ударения слова *супер*, активно выступающим сейчас в жаргонизированной речи в функции самостоятельного оценочного слова, когда говорят о чем-либо вызывающем восторг, одобрение. В текстах, отражающих фонетическое письмо, оно приобретает вид *супир*. Однако этот орфографический волюнтаризм базируется на начальном ударении. Для XIX века доминирующим было французское [süré^R], которое давало *супёр*-, фонетически довольно отдаленное от *супір* и в то время вряд ли еще мыслимое как самостоятельное знаменательное слово. Среди многочисленных контекстов со словом *супир* и его словарных описаний нет и намека на междометное употребление, возможность которого придумал В.С. Елистратов. Видимо, опрометчивое предположение для слова *супир* («Вероятно, употреблялось как междометие типа “ах!”, “прелесть!”») не имеет под собой почвы² и является случаем народной этимологии, паронимической аттракции и историко-этимологического каламбура.

Ту же традицию, но уже без указания и опоры на какой бы то ни было материал, продолжает и другой словарь: «**СУПИР** – нар.<одное> назв.<ание> сапфира» [Беловинский 1999: 443]. Однако *супир* ‘сапфир’ отсутствует в геммологическом справочнике [Рид 1986], а у ряда авторов начиная с 20-х гг. XIX в. упомянуты *супиры* и *супирчики* с различными другими камнями, но не с сапфирами.

Первый пример со словом *супир* относится к 1823 году:

² Весьма близкое по типу неразличение паронимов представлено в словарях также и в случае: *прификс* ‘цена без запроса’ и *префикс* ‘приставка / добавочный индекс перед телефонным номером’, см. [Добродомов, Шаповал 2005: 149–150]. Возможно, *прификс* подвергся преобразованию под влиянием другого термина финансового дела, где за знак ударения сочтен франц. l’accent aigué (‘) в *préfixe* ср., однако: «**Префикс**, а, м. Спец. Досрочный платеж по векселю» [БАС, XI: 314].

«Забыли вы, какъ въ день прїѣзда моего | Въ кисейной кофточкѣ вы шили что-то въ пальцахъ. | За поясомъ ключи, одинъ супиръ на пальцахъ, | А волосы назадъ приглажены» [Писарев 1823: 14]³. IV

Герой повести А. Бестужева-Марлинского «Фрегат “Надежда”» каламбурит, возражая героине, заикнувшейся о том, что женщина может испытывать отчаянье. Обращает на себя внимание, что автор прямо, хотя и без уточнения, указывает как общеизвестный факт то, что *супир* – изделие золотых дел мастера. В то же время нельзя сказать, чтобы первые по времени из известных нам примеров употребления слов *супир* и *супирчик* создавали полное и непротиворечивое представление о называемом ими предмете:

«– Отчаяніе?.. это что-то новое выраженіе въ модномъ словарѣ! Нѣтъ ли какого перстня или браслета такого имени! Вѣдь есть же супиры и репантиры и сувениры у любого золотыхъ дѣлъ мастера. Отчаяніе!!» [Марлинский 1833: № 14, 385]⁴. V

Можно заподозрить, что за более поздней ласкательной формой *супирчик* скрывается особое лексическое значение. В повести «Тарантас» В.А. Соллогуба слово *супирчик* обозначает какую-то деталь перстня – собственно камень или узор. Жена частного пристава, перечисляя мужу свои кольца, похоже, в порядке возрастания их реальной стоимости, ставит кольцо с супирчиком между сердоликом и золотом:

«У меня никакого кольца не крали. Вотъ сердоликовое, вотъ съ супирчикомъ, вотъ золотое червоннаго золота съ голубыми цвѣточками» [Соллогуб 1845: 105]. VI

Существенно отметить, что в позднейших публикациях о деле 1850 г. по обвинению А.В. Сухова-Кобылина в убийстве Луизы Симон-Деманш *супиры* также как-то отличаются от *колец*, упоминаясь в одном ряду:

«<...> убійцы оставили при убитой ся серьги, супиры и кольца» [Ромбелинский 1910: 280]. VII

В романе Ю.В. Жадовской «В стороне от большого света» (1857 г.) сельская барышня беседует с юношей из мелкопоместных дворян о *супирчике* с загадочной незабудочкой:

³ В этом фрагменте переработки комедии Р. Шеридана «Школа злословия» *супир* появился по инициативе русского автора, его нет в раннем переводе «Школы злословия» И.М. Муравьева-Апостола: «ДОСАЖАЕВЪ. Забыли вы бѣдное положеніе, изъ котораго я васъ извлекъ – дочь бѣднаго деревенскаго дворянина! – Помните ли, какъ въ перьвой разъ я къ вамъ прїѣхалъ? – Вы сидѣли за пальцами; – въ кисейной кофточкѣ; связка ключей на боку; а волосы всѣ назадъ гладехонько зачесаны. «ДОСАЖАЕВА. Какъ не помнить <...>» [Шеридан 1794: 31].

⁴ Остроумная тирада из «Фрегата “Надежда”», по-видимому, попала в какой-то сборник афоризмов скрывшегося за астрономом *.*.* составителя, трудом которого воспользовался в 1904 г. собиратель «ходячих и метких слов» М.И. Михельсон (1825–1908), поместивший эту (слегка отредактированную) тираду в свой «Опыт русской фразеологии» со ссылкой не на А.А. Бестужева-Марлинского, а на загадочного носителя псевдонима-астронома *.*.* [Михельсон, 2: 329]. Вероятно, к этому же источнику относятся и ссылки: «*.*.* Афоризмы» и просто «Афоризмы». В.М. Мокиенко в предисловии к труду Михельсона едва ли правильно считает, что иллюстративные цитаты с такими подписями «являются либо записью услышанных в речи анекдотов и остроумных фраз, либо – творчеством самого М.И. Михельсона» [Михельсон, 1: 6 (первой пагинации)].

«– Лаврентій Ивановичъ! – обратилась къ нему шедшая возлѣ меня Дуня Котаева, – вы что покупали на ярмаркѣ?

– Да ничего еще не покупалъ-съ; у жида супирчикъ торговалъ, да дорого просилъ, проклятый.

– На что вамъ супирчикъ?

– Такъ-съ, на рукѣ носить; прехорошенькій, съ незабудочкой-съ.

– Вѣрно, кому-нибудь на память хотите подарить?» [Жадовская 1885: 74–75].

VIII

Из контекста, вопреки нашим сегодняшним ощущениям, не следует автоматически, что это рисунок цветка *Myosotis*. Возможно, упомянут супирчик с каким-то другим знаком-«сувениром». Ср.: «*Незабудка*, растеніе и цвѣтокъ <..> || Подарочекъ на память» [Даль, II: 1104, под *незабывное*]. Вопрос о предназначении супирчика вызывает смущение. Здесь супирчик (не *супир*!) – это не слишком дорогой перстень: участники этого диалога весьма небогатые дворяне, да и вряд ли ярмарочный товар был очень ценным.

В очерке из жизни фабричных рабочих описана игра в фанты, где выступает *перстень*, однажды названный *супиром*:

«Слесарь потрясъ платокъ, а хозяйка опустила руку и вынула перстень.

– Чей супиръ?

– Мой! сказала одна дѣвица и встала.

Слесарь подаль ей перстень» [Нефедов 1868: 173–174].

IX

В юмористическом сочинении Н.А. Лейкина (1841–1906) «Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова» приводится «Письмо папы римской к банкиру Ротшильду», где *супирчики* – бриллиантовые:

«<..> а какіе ежели были бриллиантовые супирчики, то уж давно всѣ у Карповича, а на выкупъ ихъ денегъ нѣтъ, да и квитанціи заложены» [Лейкин 1874: 106].

X

В рассказе К.М. Станюковича (1843–1903) «Матросский линч», опубликованном под псевдонимом М. Костин, простой матрос рассказывает о том, как капитан «цокнул» ему в зуб *бриллиантовым супиром-супирчиком*:

«А надо тебѣ сказать, на указательномъ перстѣ Василій Кузьмичъ завсегда носилъ брульянтовый супиръ. Отъ Государя Императора пожалованъ. Такъ самымъ этимъ, значить, супирчикомъ онъ и цокнулъ» [Костин 1887: 11].

XI

В другом рассказе также фигурирует супир с бриллиантом:

«– Вѣроятно, вамъ не случалось видѣть хорошихъ брильянтовъ, и вы, кажется, изволите сомневаться въ цѣнности моего супира? – съ презрительной усмѣшкой замѣтилъ закипавшій злостью докторъ <..>» [Костин 1888: 119].

XII

У того же автора в рассказе «Блестящее назначение» (дата первой публикации неизвестна) встречается также изумрудный *супирчик*. Будучи диминутивом от *супир*, слово *супирчик* может, разумеется, называть и тот же самый предмет, который обозначается словом *супир*. Однако чаще *супирчик* является менее ценной народной копией перстня-*супира*. Не случайно у К.М. Станюковича *супирчик* обычно встречается в речи простых матросов:

«<Матрос> рассказывалъ, что привезетъ Аришѣ изумрудный супирчикъ съ Цейлонъ-острова, и шелковое платье изъ китайской стороны <..>» [Станюкович 1907: 456].

XIII

Также в рассказе «Форменная баба» (1899 г.):

«супирчикъ съ Цайлонъ-острова» [Станюкович 1907: 392].

XIV

В рассказе «Тоска» (1903 г.) *супирчик* был куплен в Италии за 2 франка (около 70 коп. того времени), а вопрос о его предназначении вызывает перепалку, где ласкательность формы *супирчик* вряд ли ощущается:

«– Я по своему разсудку самъ могу понять, для кого купили супирчикъ! – конфиденціально произнесъ фельдшеръ <...>

– И знай, пока морда цѣла! – вдругъ окрысился боцманъ.

– То-то и видно ваше необразованіе, а туда же супирчики!» [Станюкович 1907: 482].

XV

Супир с самоцветом является важным символом в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1913–1932), где приказчик Илья Сохатых не знает, как им распорядиться: то подумывает подарить его кухарке:

«– Варварушке – супир <...>» [Шишков 1983: 161].

XVI

то любитесь им:

«И все-таки не стерпела любопытная его рука, – достал Илья Сохатых из жилетного кармана прекрасное кольцо-супир, украдкой взглянул на самоцветный-камушек <...>» [Шишков 1983: 288].

XVII

то, наконец, дарит его:

«<...> он сперва поблестел супиром перед глазами изумленной женщины, затем ловко надел кольцо ей на палец» [Шишков 1983: 325].

XVIII

то забирает его назад при трагических обстоятельствах:

«Ночью, убитый горем и растерянный, мчался с бубенцами в город Илья Сохатых <...>

А в кармане, в сафьяновом футлярчике, снятое с руки усопшей кольцо-супир» [Шишков 1983: 326].

XIX

Как примета прежней дореволюционной жизни *супир* упоминается мельком на руке седой дамы при задержании ею малолетнего нарушителя в повести «Странники»:

«– Как ты смеешь, паршивец, в самом центре города, на Площади Энтузиастов, устраивать пакости?! – И дама надушенной рукой, украшенной супиром, схватила его за волосы» [Шишков 1932: 72].

XX

Итак, в примерах встречаются *супиры* с бриллиантом и самоцветом, а *супирчики* – с изумрудом и бирюзой, см.: XIII, XXIII. Однако сапфир в перстне-супире не упоминается ни разу. Кроме того, оставаясь в рамках народной этимологии и принимая, что *супир* – это 'сапфир', на основе приведенных описаний, пришлось бы признать возможность фантастических словосочетаний типа **бриллиантовый сапфир*, **изумрудный сапфир* и т.п.

Фантазирование Л.В. Беловинского с соавторами в переиздании словаря снимает это противоречие, выстраивая линию преемственности между двумя значениями: 'сапфир' >> 'любой драгоценный камень', – хотя внешне и правдоподобную, но исходящую из неверной посылки: «СУПИР – 1) народное название сапфира; 2) в широком

смысле – любой драгоценный камень в кольце» [Байбурин, Беловинский, Конт 2004: 505].

Многие примеры показывают, что произошла довольно быстрая демократизация носителей слова *супир*: из светских салонов через провинциальных дворян оно докатилось до купцов, приказчиков и крестьян. Нередко *супирчик* – это недорогой перстень, как в: XIII, XIV, XV.

В книге «Уличные типы» среди соблазнов московского толкучего рынка отмечается *супирчик*, который по карману даже молодому солдату:

«<..> тут молодой солдатикъ увязался за серебрянымъ супирчикомъ и шелковымъ женскимъ платчишкомъ <..>» [Голицынский 1860: 45]. XXI

Через 40 с лишним лет после А.И. Писарева *супир* уже представлен в описании дешевой крестьянской бижутерии на Нижегородской ярмарке:

«Товаръ этотъ готовится въ двухъ селахъ: Сидоровскомъ и Красномъ (Костромской губ.). <..> это разнаго рода супиры, серьги-польки, кольца-змѣйки и тому подобныя искушенія нашихъ крестьянскихъ дѣвушекъ и женщинъ» [Овсянников 1867: 162]. XXII

Такие супиры продавались на поволжских ярмарках и в конце XIX в.:

«Бронзовые серьги [в с. Красном Костромской губ.] можно купить за 1 коп. пара <..> супиръ-перстень съ бирюзой (супирчикъ) по 10 коп. <..>» [Фаресов 1894: 1]. XXIII

Как термин народной бижутерии *супир* и в дальнейшем связан с мастерами села Красного Костромской области. В книжке В.И. Шапошникова «Красносельские ювелиры», слово *супир* представлено в значении 'серебряное кольцо с украшением / недорогим камешком':

«Трудно было отыскать уже тогда в европейской или азиатской части страны село, деревушку, где бы женщины не носили <..> колечек-супиров» [Шапошников 1969: 7]. XXIV

Один раз употребляется и диминутив *супирчик*:

«И нашли там бежавших из Сибири ссыльных поляков. Вот они и <..> вырабатывали там в шалаше сережки, колечки, супирчики, брошки» [Шапошников 1969: 16]. XXV

Так что даже в расширенном виде значение «любой драгоценный камень в кольце» не покрывает всего разнообразия супиров и супирчиков, которые бывали и с поделочными камешками:

«В одном доме семья вырабатывала кресты эмалированные, <..> в другом месте – кольца гладкие, обручальные, рядом – тоже кольца, но с украшениями, с камешками – “супиры”» [Шапошников 1969: 20]. XXVI

«С искусственными камнями изготавливались и “супиры” – кольца⁵ и серьги» [Шапошников 1969: 29]. XXVII

⁵ В этом примере, видимо, следует читать «супиры»-кольца (через дефис) и *серьги*, потому что нигде больше *супир* к *серьгам* не относится. Здесь же в неверном прочтении, очевидно, виновата ошибка наборщика в выборе тире вместо дефиса. Ср. *колечки-супиры* под № XXIV.

Крестьянская бижутерия продолжает включать этот термин и в начале XX века. Вятская частушка, записанная в 1905 г., содержит вариант *супырь*:

«597. Позолоченый супырь¹⁾ | Только съ вечера горить; | Объ тебѣ, милый, сердечко – |
Только сплю, такъ не болитъ, | Пробудилась на утрѣ – | Опять милый на умѣ». XXVIII

Подстрочное пояснение собирателя: «¹⁾ Супырь – колечко» [Симаков 1913: 96] – весьма показательно, оно подтверждает уход этого когда-то великосветского слова в пассив уже и в простонародной речи.

В курганской частушке отмечен даже *суперичек немецкого стекла*, соотносительный с вариантами диалектизма: *суперик* или *сопéрик* ‘перстень’:

«Ты суперичек, суперичек, | Немецкого стекла. | У меня, девки, болиночка, | Хорошего отца» [Тимофеев 1971: 106]. XXIX

В сказке «Митя», записанной от «верхнеленской сказочницы» середины XX века Р.Е. Шеметовой, ученик колдуна Митя, убегая от него, превращается в *суперик*, судя по описанию, перстенок с камешками («все вставочки горят на нем»):

«– Ой, папочка с мамочкой, какой мне сегодня суперик на именины приплыл! Горит, блестит всяким разным огонькам!» [Шеметова 1995: 314]. XXX

Дилетантской традиции беспочвенного отождествления *супира* с *сапфиром* и другими ценными и не очень ценными камнями петербургские лексикографы пытались противопоставить совсем иные и тоже не менее ошибочные соображения о не таком уж редком, что показано выше, слове:

«**СУПИР**, а, м. Принадлежность женского туалета, украшенная драгоценными камнями. <..>

Слов. и СУ <Словари и словоуказатели> – 1; БКСО <Большая картотека Словарного отдела> – 2 + 3 (Григорович, А. Островский, Русск. старина, 1910, № 4).

От франц. *soupir* – вздох.» [Редкие слова 1997: 393].

Эта дефиниция сопровождается цитатами из рассказа К.М. Станюковича «На камнях» XII, приписанного некоему Станкевичу, и из романа В.Я. Шишкова XVII, а также глухими ссылками на Григоровича, Островского и журнал «Русская старина».

Первая цитата, отысканная по твердой копии конкорданса из Нижнего Новгорода, взята из ранней редакции (1835) «Маскарада» М.Ю. Лермонтова. Эта реплика Пожилого человека содержит каламбур со словом *супир*:

«Отчаянье? Да, есть | И это слово в дамском лексиконе, | Благодаря романам и творцу | Оно довольно звучно даже в тоне | И многим женщинам к лицу: | Ведь носят же супиры, сувениры | И репантиры? | Дивлюся, как давно не превратят | Отчаянье в какой-нибудь наряд» [Лермонтов 1956: 506; 1980: 479; 1989: 619]. XXXI

М.Ю. Лермонтов, очевидно, позаимствовал каламбур из повести Марлинского «Фрегат “Надежда”» IV. Показательно, что у Марлинского наименования ювелирных изделий «модного словаря» открывает простой *перстень*, который у Лермонтова в «дамский лексикон», где сосредоточены явные и сейчас лишь частично понятные галлицизмы, не попал.

Как можно заметить, дефиниция ‘Принадлежность женского туалета, украшенная драгоценными камнями’ не вытекает из цитат XII, XVII, оказывается автономной по отношению к ним и даже вступает с ними в противоречие, однако [Редкие слова 1997] стараются насильственно примирить эту дефиницию с иллюстративным материалом, подчиняя последний первой. При этом «принадлежность женского туалета» чисто ме-

ханически украшается «драгоценными камнями». Угадать предмет по такому толкованию – довольно трудно. Ради сохранения выбранного толкования игнорируется принадлежность к мужскому полу героев [XI], [XII], которые украшают этой принадлежностью якобы женского туалета свои пальцы.

К сожалению, академические лексикографы далеки и от профессионального документирования материала. Превращение писателя-мариниста К.М. Станюковича в загадочного Станкевича подрывает доверие к словарю. Отсылка «Русск. старина, 1910, № 4» означает, что надо бесполезно просмотреть около 250 стр. этого номера. *Супир* обнаружен в № 5 [VII].

Толкование «Принадлежность женского туалета, украшенная драгоценными камнями» может указывать на то, что словарь в выборе его идет вслед за каким-то источником. Такое странное толкование нельзя вывести из примеров, его можно было лишь бездумно списать откуда-то. Лексикографы, игнорируя материал и в то же время независимо от стороннего мнения, не могли бы, видимо, прийти к столь детализированной и смутной одновременно дефиниции и отстаивать ее такой ценой.

Действительно, трактовка *супиров* в качестве дамских туалетов, а затем их принадлежностей или фасонов ранее была представлена у комментатора М.Ю. Лермонтова А.М. Докусова. Он сначала разделил галлицизмы на две группы (два названия туалетов и название прически): «Супиры, сувениры – названия дамских туалетов, происходящие от французских слов: *le soupir* – “вздых”, *le souvenir* – “воспоминание”; репантир – название модной прически, от фр. *le repentir* – “раскаяние”» [Лермонтов 1956: 753].

Позднее А.М. Докусов размыл комментарий указанием на безликие фасоны (дамской одежды и прически): «Супир (франц. *soupir* – вздох), сувенир (франц. *souvenir* – воспоминание) – слова, обозначающие принадлежности или фасоны дамского туалета; репантир (франц. *repentir* – раскаяние) – название фасона модной прически» [Лермонтов 1980: 621]⁶.

При комментировании строк Лермонтова «дамские туалеты» // «принадлежности или фасоны дамского туалета» возникают лишь в искусственном отрыве от «исходного» контекста А.А. Бестужева-Марлинского, где прямо говорится о том, что *супиры*, *репантиры*, *сувениры* есть у «любого золотых дел мастера», но не у портного или парикмахера.

Герой Лермонтова дивился тому, что *отчаянье* еще не превратили «в какой-нибудь наряд», однако про *супиры* говорит лишь, что их носят, а нарядом прямо не называет. Обратясь к Далю, читаем: «*Нарядъ*, уборъ, красивая одежда, платье или вещи, надѣваемые для украсы» [Даль¹, II: 1053], ср. *нарядный*. Таким образом, в то время словом *наряд* или *убор* именовались всякие вещи «для украсы», а не только одежда. Судя по всему, Лермонтов и Марлинский видели за *супирами*, *сувенирами* и *репантирами* изделия ювелиров, что и обусловило их объединение в ряду однородных членов. «Туалеты» и «прическа» не вполне согласуются с обычной работой золотых дел мастеров, о которых говорит Марлинский. Но рифма *наряд*, выбранная М.Ю. Лермонтовым в соответствии со словоупотреблением своей эпохи, ввела позднейших комментаторов и лексикографов в заблуждение.

[Редкие слова 1997], к сожалению, лишь глухо указали на роман Д.В. Григоровича, в котором авантюрист Попельковский развлекает обитателей усадьбы рассказом о том, как он сделал предложение племяннице грека-купца:

⁶ То ли выпадает из этой традиции, то ли совпадает с нею лаконичный до загадочности комментарий Э.Э. Найдича: «Супиры (от фр. *soupir*)» [Лермонтов 1989: 676]. Французские словари единодушно отмечают у слова *soupir* лишь значение ‘вздых’, поэтому сказанное Э.Э. Найдичем трудно опровергнуть, хотя к этому нужно многое добавить.

«Вы, говорю я, Рокополо, дядѣ-то, отдайте заблаговременно приданое; меня, говорю я, не надуеть этими супирами да дезирами. А деньги были, знаете, нужны: накануне проигралъ десять тысячъ Кондакову <..>» [Григорович 1852: 223].

XXXII

Герои здесь – провинциальные, хотя и довольно состоятельные дворяне. И опять *супир* представлен в паре с другим, еще более редким, галлицизмом *дезир* (франц. *désir* ‘желание’), который употреблен скорее для рифмы. Множественное число абстрактных существительных часто указывает на особое предметное значение, как *супиры*, *репантиры*, *сувениры* в приведенных выше примерах. Однако не всегда у нас достаточно данных для точной идентификации этих предметов. Здесь же выявляется еще одно существенное отличие: контекст не содержит сигналов того, что *супиры* и *дезиры* употреблены в предметном значении. А ведь слово *супир* значит в первую очередь ‘вздых’, в паре с *дезирами* ‘желаниями’ (в предметно-символическом значении не отмеченными) это значение, думается, и стоит на первом плане. Иными словами, Попельковский намекает дяде невесты: «Не нужно вздохов и томлений, деньги давайте». Так что глухое указание на этот контекст Григоровича в качестве иллюстрации при предметном значении слова *супир* ‘перстень’ приведено в [Редкие слова 1997], видимо, без достаточных оснований.

На наличие подобного прямого заимствования из французского указывает виленский словарь польского языка, вероятно, не чуждого и персонажу с польской фамилией Попельковский. Там приведено уже тогда малоупотребительное *supir* ‘вздых’ с примером употребления в форме множественного числа: «*Supir, a, lm. y, m. (z fran.) mało uż. westchnienie. Westchnienia owego czasu nosiły nazwę supirów*» [Słownik 1861, 2: 1599].

Таким образом, весьма неопределенное значение формы множественного числа *супиры* (не ‘перстни’) в паре с рифмующимися *дезирами* демонстрирует первоначальную психолого-физиологическую семантику галлицизма. Но этот контекст хорошо связывает русск. *супир* ‘перстень’ с франц. *soupir* ‘вздых’⁷.

Глумливая подрифмовка *сувенирчиков* к *супирчикам*, напоминающая не только *супиры* – *сувениры* Марлинского и Лермонтова, но и *супиры* – *дезиры* Григоровича, встречается также в повести Н.П. Вагнера (1829–1907) «Князь Костя», где пансионер Кудинов в борьбе за лидерство, стремясь довести дело до драки, порвал и поломал памятные вещи из шкатулки княжеского сына, который «сдѣлался центромъ, замѣнилъ старшимъ Кудинова»:

«– Что, ваше сіятельство, у васъ, кажется, маленькіе безпорядочки случились? Это-съ я сдѣлалъ. Я-съ, рабъ Божій Сергѣй Кудиновъ. Я осмѣлился потрепать немножко ваши княжескіе цацы, супирчики и сувенирчики, розовенькіе ленточки и шарфики съ нѣжненькихъ шеекъ» [Вагнер 1885: 399–400].

XXXIII

Лексикографы могли бы обратиться к областной лексике, которая не всегда тщательно собирается в сводном «Словаре русских народных говоров». В русских диалектах пережиточно в разной степени сохранности все еще употребительны следы слова *супир*. Правда, СРНГ в пределах вышедших выпусков дает для этого весьма скромный и не во всем надежный материал: *сапѣрик* ‘кольцо, перстень’ (Забайкалье); *сопѣрик* ‘перстень’ (Зауралье) [СРНГ, 36: 124; 39: 330].

Первая форма (без отсылок ко второй и наоборот) взята из ненадежного словаря говоров Забайкалья: «**САПѢРИК**, а, м. Кольцо, перстень <..>» [Элиасов 1980: 366], – где наблюдается смешение слов *кольцо* и *перстень*, уже давно осуждаемое специали-

⁷ Не имеет никаких оснований отнесение слова *супир* к той группе диалектной лексики, которая характеризуется как «официальная терминология ювелирного дела немецкого <?> происхождения, очевидно <?>, попавшая в Красное-на-Волге через посредство польского языка <?> и в той или иной степени переделанная на народный лад» [Ганцовская 2003: 39].

стами по «культуре речи» (пуристами) [Долопчев 1909: 106, 179; Огиенко 1911: 47, 73], которые отстаивали различие, предложенное В.И. Далем: *кольцо* (на палец) – гладкое, но: *перстень* – «со щитком, с камнями» [Даль, II: 760, III: 95].

Второй пример (*соперик*) взят, вероятно, из рукописных «Материалов для областного словаря Зауралья» В.П. Тимофеева (Шадринск, 1962), хранящихся в Словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН под № 298 [СРНГ, 2: 8], но в [Тимофеев 1971: 104, 106] дано более обширное варьирование: *соперик*, *суперик*, *суперичек*, см.: **XXIX**.

Ср., например, слова из Ростовского района в девятом выпуске «Ярославского областного словаря»: «**Суперик**. Кольцо, перстень. **Супирка**. Небольшое золотое кольцо с камнем. **Супирочка**. Ласк. к супирка. *У меня супирочка с замочком была*» [Яросл. обл. сл. 1990: 87].

Впрочем, с ясностью и достоверностью диалектных данных о слове *супир* не все благополучно из-за обилия его фонетико-морфологических вариантов, сбивчивости толкования через многозначное слово *кольцо*, за которым может скрываться и *перстень*. Таковы, например, уральские: «**СУПЕР, СУПЕРИК** ‘кольцо’» [Сл. Ср. Урала 1987: 75]⁸.

Фиксации при краткости дефиниций в основном малоинформативны, но иногда встречаются и более детальные: «**СУПЕРИК**, -а, м. Небольшое колечко, украшенное камешком. – *Суперик – это колечко тоненькое с глазком. У меня золотой суперик был <..>*» [Сл. Новосиб.: 526].

Собиратели лексики Приамурья даже подвергли зафиксированное ими слово сомнению при сбивчивости объяснения слова носителями диалекта: «**СУПЕРИК**, а, м. Перстень (?). *Мужской перстень просто так и называли, а женское кольцо супериком называли <..>*» [Сл. Приам. 1983: 292]. Но во втором издании новый материал снял сомнения, хотя пояснение о противоположности мужского *перстня* женскому *супиру* осталось как показатель смутности представлений о семантике этого слова у носителей современного говора [Сл. Приам. 2007: 442].

Почему-то оказался неучтенным материал недавно изданного словаря П.А. Дилакторского: «Супирчик [Вол. Гряз.]. Кольцо со вставкой для ношения на рукѣ (П. Обнорский)» [Дилакторский 2006: 489], хотя рукопись этого словаря 1902 г. указана в числе источников «Словаря русских народных говоров» [СРНГ, 1: 101].

К сожалению, в картотеке СРНГ по данным его «Инверсионного индекса» [Инверс. индекс 2000: 272], есть еще только *суперик*, а помещение туда слов *супер*, *суперичек*, *супирка*, *супирочка*, *супирь* не планируется.

Имеется еще одно любопытное свидетельство забвения исходного значения слова *супир*. Старая карточка (с именной печатью), присланная в большую словарную картотеку постоянным корреспондентом, описывает слово *супир* уже в другом значении: «**Супиръ**, а, м. Влюбленной въ женщину челоѣкъ! г. Таганрог, 1914 г. (Вячеслав Александрович Бодарский)», т.е. *супир* здесь значит ‘*супирант*’, именно с последним словом здесь спутано слово *супир*, ибо в XIX в. имелся исторически однокоренной со словом *супир* галлицизм *супирант* ‘воздыхатель’ (франц. *soupirant*), однако в русском языке оба эти слова рано потеряли связь или даже, вероятно, никогда не входили в одно словообразовательное гнездо из-за сильного расхождения значений.

Но слову *супир* также не слишком повезло в словарях, хотя и оно обнаруживается в малодоступном, но содержательном словаре Н.И. Епишкина, который вслед за М.И. Михельсоном (о чем сделано указание) правильно определил загадочный *супир* как «тоненький перстень на мизинце, носят на память» [Епишкин 1999: 647], что является воплощенной укоризной московским и петербургским лексикографам, которые не справились с этим оказавшимся для них весьма трудным словом.

⁸ *Супер* из *супир* возник, видимо, вследствие гиперкоррекции, как в начале XV в. *апрель*, *Аграфена* из *априль* и *Агриппина* [Соболевский 1883: 3; 1891: 88].

В словаре М.И. Михельсона ясно говорится: «**Супиръ** (иноск.) тоненькій перстенецъ, который носятъ на память на мизинцѣ (намекъ на *supir* <так!> – вздохъ)" [Михельсон, 2: 329]⁹.

Некоторые комментаторы продолжили линию преемственности с Михельсоном: в издании «Стихотворная комедия конца XVIII – начала XIX в.» слово *супир* в комедии А.И. Писарева «Лукавин» [IV] толкуется с едва ли правильной подменой перстенька колечком: «*Супир* – даренное на память колечко, которое носили на мизинце» [Стихотв. ком. 1964: 962].

Равным образом, в комментарии к изданию А. Бестужева-Марлинского поясняется только *супир* (но не *сувениры* и *репантиры*) также вслед за М.И. Михельсоном: «С. 245. *Супир* – подаренное на память колечко, надеваемое на мизинец» [Бестужев-Марлинский 1981: 541].

Внешний облик слова в словарях, которые составлены на основе литературных источников незадачливыми филологами, почти не претерпел произвольных изменений при смутности толкований, но есть и такие словари, где семантика раскрыта относительно правильно, хотя и без деталей, однако слово представлено в несуществующей графической форме.

Графическое переразложение элементов букв в сочетании *ли* при небрежной рукописной фиксации *супир* привело к появлению в милицейском словаре 1927 г. сочетания *те* и призрачного слова *сутер*. Во втором издании жаргонного словаря криминалиста С.М. Потапова (1873–1957) отмечено слово: «**Сутер** – перстень» [Потапов 1927: 100]. Милицейский работник правильно понял значение незнакомого ему искаженного слова *супир*, но ошибочно счел его жаргонным и при перенесении его в словарь (словарную картотеку) не опознал его графико-фонетический облик¹⁰.

Распространилось оно в словарях жаргона только после значительного перерыва: «**СУТЕР** – перстень» [Бронников (1990): 42]; а также с неизвестно откуда взявшимся ударением: «**Сутёр** – перстень» [Толк. сл. угол. жарг. 1991: 171], нашло отражение даже в русско-английском словаре жаргона: «**бабка (обруч, сутер)** – кольцо, перстень <...> a finger ring», «сутер – **бабка**» [Дубягин, Теплицкий 1993: 157, 240; 79], а затем и перешло в столь же неразборчивые жаргонные словари нового тысячелетия: «**СУТЕР** – перстень»; «**ПЕРСТЕНЬ** – бабка, сутер» [Дубягина, Смирнов 2001: 155, 251; Дубягина и др. 2006: 138, 240]; «**СУТЕР**, -а, м. Перстень (Пот.)» [Грачев 2003: 884; 2006: 560]. В словарях жаргона, независимых от ведомственной традиции, такого призрачного слова нет [Росси 1991; Снегов 1991; Быков 1994]. Не вызвало оно доверия и у авторов сводного словаря жаргона [Мокиенко, Никитина 2000], где «слово» *сутер* также отсутствует.

Слово *soipir* ‘памятный перстень’ французские словари XIX века не отмечают. Быть может, оно является псевдогаллизмом и возникло в собственно «русском» французском. Следы французского значения зафиксированы в русских текстах Д.В. Григоровича [XXXII] и Н.П. Вагнера [XXXIII]. Ср. функционирующий в качестве

⁹ Положительный пример правильного толкования слова *супир* у М.И. Михельсона не означает непогрешимости последнего: благодаря излишнему доверию к нему во все издания большого академического словаря попала не принадлежащая А.С. Пушкину цитата: *Девушкам-красоткам / Он ли строит куры* [БАС₁, V: 1883–1884; БАС₃, VIII: 815], – которую М.И. Михельсон, вероятно, позаимствовал из какой-то публикации его времени, где эти вирши ошибочно приписывались А.С. Пушкину. См. об этом выражении [Добродомов 1995: 117–125; 1996: 43–66].

¹⁰ С учетом того, что в словаре С.М. Потапова довольно много ошибок прочтения, которые присутствуют и в современных словарях жаргона [Шаповал 2007], не исключено, что за записью *сутер* скрывается диалектное *супёр*. Ср. в том же словаре аналогичные примеры визуального смешения трехэлементной (в рукописи) буквы *т* и двухэлементной *п*: «**Подтырщик** – подстрекатель» при «**Подтыривать** – помогать красть» [Потапов 1927: 121], а также, вероятно, «**Литех** – платок» [Потапов 1927: 82] при «**Лепень** – носовой платок» [Потапов 1927: 82].

иностранного слова вне территории английского языка псевдоанглицизм *смокинг*, обозначающий по-русски тот предмет мужской одежды, который по-английски называется *tuxedo*, когда-то похожий предмет одежды назывался *smoking-jacket, dinner-jacket*. См. др. примеры [Piotrowski 2005; Jochym-Kuszlikowska 2005].

Сравнение контекстов со словом *супир* дает ясную картину его социального снижения. Для дворян – современников Марлинского и Лермонтова – слово *супир* было прозрачным галлицизмом, «эмблемой печали», совмещавшей реальную ценность и глубину символизируемых чувств. Для мелкопоместных дворян середины XIX века – это также символ чувств, но не очень дорогой по цене. Для приказчиков это была уже в первую очередь очень дорогая вещь. Для крестьянских красавиц, матросов, солдат второй половины XIX века *супир* – это лишь красивый символический подарок, реальная ценность которого весьма невелика. В XX веке слово стало выходить из употребления и даже воспринималось как принадлежность языка преступников, зафиксированное в искаженном виде, впрочем, возможном для исчезающего слова. До сих пор оно продолжает влачить существование в говорах, так и не обретя стабильности.

Сравнение словарей и комментариев к литературным произведениям отражает процесс постепенного забвения слова. Отождествление слов *супир* и *сапфир* в конечном счете означает, что французское происхождение слова игнорируется, а называемый им предмет уходит из повседневного опыта.

Изучение истории толкования и комментирования слова *супир* приводит и к некоторым заключениям общего характера. Практика изолированного комментирования редких слов у каждого отдельного автора, как и практика некритичного копирования словарей предшественников без их корректировки по данным речи, является безусловно порочной. Любопытно, что *супир* у К.М. Станюковича и В.Я. Шишкова современные издатели даже не смогли снабдить комментарием, а у А.А. Бестужева-Марлинского комментарий в издании 1981 г. касается только *супира*, но *сувениры* и *репантиры* остались без пояснения. В нынешних изданиях сочинений А.И. Писарева, А.А. Бестужева-Марлинского, М.Ю. Лермонтова и А.Н. Островского комментарии навязывают представление о совершенно разных предметах: перстень, одежда и драгоценный камень!

Как некритичное отношение к материалу, так и вольное с ним обращение являются негативными факторами в лексикографии. Если и дальше «испорченный телефон» лексикографической преемственности будет работать с такой же интенсивностью, то в скором времени читатель из словарей редких слов не сможет узнать ничего заслуживающего доверия.

В словарном материале В.И. Даля по языку петербургских мошенников, вновь недавно опубликованном вместе с другими более поздними материалами по условным языкам В.Д. Бондалетовым, представлены два выражения, описывающие сходные телесные наказания: *смотреть на Знаменье* «быть наказану плетью публично»; *смотреть на Смольное* «быть наказану кнутом» [Бондалетов 2004: 156]. В более поздних «Словаре офенского языка» 1854 г. и в «Русско-офенском словаре» 1855 г. В.И. Даля (где фиксируются с пометой *маз.* (мазурики) и слова «музыки» или байкового языка) они отсутствуют, что вряд ли можно считать случайностью или оплошностью лексикографа. Эта соотносительная пара выражений, прямо апеллирующая к тогдашним микротопонимам нынешнего Центрального района Петербурга, дифференцировала два вида «торговых» (публичных) наказаний, исполнявшихся на Конной площади. С нее тогда открывался вид на Знаменскую церковь (разрушенную в 1955 г.) на западе и на собор Воскресенского женского монастыря примерно на северо-востоке в селе Смольном, названном так по дегтярному заводу, а по церкви именовавшемуся Спаским. Привязанный палачом осужденный мог смотреть только в одном из этих направлений, чем и объясняется возможность появления данных выражений в арго. В 1842 г., ко времени создания В.И. Далем словарика «байкового» языка, оба вида наказаний были еще актуальны, однако вскоре, по Закону от 21 января 1846 г., наказание

кнутом из соображений гуманности было заменено увеличенным числом ударов плетьюми [А.Я. 1895: 465]. Так что с 1846 г. бинарная семантическая оппозиция сугубо петербургских выражений *смотреть на Смольное* – *смотреть на Знаменье* распалась. Вне этого противопоставления и последнее выражение, потеряв ясность образа, было, вероятно, обречено на скорое забвение, что и отражено у В.И. Даля невключением этих выражений в офенские материалы 1854–1855 гг., где представлены актуальные слова байкового языка мазуриков (с пометой *маз.*). После 1863 г. плети также были исключены из публичных наказаний [Тимофеев 1902: 294].

В повести В.Ф. Одоевского «Живой мертвец», написанной в 1838 году, но напечатанной только через шесть лет [Одоевский 1844: 305–332], один из этих видов наказания (в форме *на Смольное глазеть*) упоминается беглым камердинером Филькой: «<..> да теперь вмѣсто честнаго житья – того и смотри, что буду на Смольное глазѣть <..> (***)». Авторское подстрочное примечание содержит лаконичное пояснение, никак прямо не упоминающее кнут: «(***) Уголовное наказаніе» [Одоевский 1844: 316].

Очевидно, примечание указывает на то, что для таких жуликов из простонародья, как Филька, наказание кнутом являлось началом обычного пути на каторгу. Остается неясным, на каком основании в проекте исторического «Словаря русского языка XIX века» выражение *на смольное смотреть*, справедливо отнесенное в разряд «Фразеологические единицы, которые употреблялись в XIX в. и ушли из употребления в этот же период», приобрело конкретное явно неточное значение ‘сидеть в тюрьме’ [Сл. русск. яз. XIX: 148], отсутствующее как у В.И. Даля, так и у В.Ф. Одоевского. Социальная сфера употребления выражения не учитывается, источник толкования не указан. Если так было трансформировано толкование В.Ф. Одоевского ‘уголовное наказание’ при выражении *на Смольное глазеть*, то существенно, что виды уголовного наказания заведомо не исчерпывались тюремным заключением, да и последнее далеко не всегда предполагало публичное наказание плетьюми. Кроме того, нет оснований считать, что сугубо питерское выражение *смотреть / глазеть на Смольное* применялось к наказанию кнутом, производимому в других городах империи.

Выражение *смотреть / поглядеть на Знаменье* из материалов В.И. Даля 1842 г. у М.А. Грачева произвольно преобразуется в *посмотреть на знаменье*, где странным образом отождествлено наказание плетьюми и лишение свободы: «В аргю наблюдается бравирование и презрение перед официальным наказанием – лишением свободы: *посмотрѣть на знáмение* – ‘быть наказанным плетьюми’» [Грачев 1997: 133]. Нельзя согласиться как с написанием имени собственного *Знамение* (равно как и *Смольное*) со строчной буквы, так и с усматриваемым здесь «бравированием и презрением» (как был выведен этот коннотативный компонент, не уточняется). Скорее, перед нами эвфемизм, использовавшийся, чтобы случайно не накликать на себя наказание его прямым упоминанием. Позднее толкование этого выражения приобретает ряд деталей, отсутствующих не только в словарики «байкового» языка Даля, на который имеется ссылка, но и в истории: «быть наказанным кнутом на Сенатской площади в Петербурге» [Грачев 2003: 724; 2006: 467].

Таким образом, пара сугубо петербургских выражений *смотреть / глазеть на Смольное* ‘быть наказанным кнутом на Конной площади публично’ (актуальное до начала 1846 г.) и *смотреть / поглядеть на Знаменье* ‘быть наказанным плетьюми на Конной площади публично’ (возможное до 1863 г.) примечательны не только четкой географической привязкой, но и довольно редкой для жаргонных выражений возможностью надежно обосновать верхнюю хронологическую границу их употребления, что также должно найти отражение в словаре.

В связи с рассмотренным примером ошибочной трактовки двух жаргонных выражений становится весьма явной опасность неосторожного компилирования сведений предшественников, которое в весьма велеречивой форме смутно декларируется в академическом проспекте словаря русского языка XIX века: «Научные исследования в области национально-культурной и историко-культурной семантики <...> позволят обобщить, суммировать, свести воедино тематические классификации лексики с куль-

турным компонентом в русском языке XIX в., которые предлагаются в этих исследованиях с последующим дополнением и насыщением их за счет данных <...> современных историко-лексикографических материалов (например, созданных под руководством Р.П. Рогожниковой словарей-справочников <...>» [Сл. русск. яз. XIX: 132–133].

Однако упомянутые в Проекте словари, созданные под руководством Р.П. Рогожниковой [Редкие слова 1997; Рогожникова, Карская 1996], никак не могут быть образцами. Недостатки первого из них уже получили освещение в рецензии [Пильщиков 1998] и в данной статье со словом *сунир*. Из недочетов второго здесь стоит ограничиться одним примером беспримерного отождествления совсем разных слов:

«**ЖАЛОНЁР**, -а, и **ЖОЛНЁР**, -а, м. Солдат, поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть. *Друзья! Ужасное мученье <...> Быть на параде жалонёром Или на бале быть танцором.* Лермонтов. Монго. *Потом сам отправился вперед выбирать позицию для привала, <...> дожидался жолнёров, расставлял их, встречал дивизию, размещал полки.* Голубов. Багратион. [От франц. *jalonneur* – расстановщик вех]» [Рогожникова, Карская 1996: 170].

Здесь все грубые ошибки в разработке этих слов-паронимов доверчиво взяты из БАС₁, не исключая и формы *отправился* вместо *отправлялся*, находимой в первоисточнике [Голубов 1947: 97–98]:

«**Жалонёр**, а, м. Устар. Солдат, поставленный для указания линии, по которой должна строиться воинская часть. *Друзья! Ужасное мученье.. Быть на параде жалонером Или на бале быть танцором.* Лерм. Монго.»;

«**Жолнёр**, а, м. 1. Польский ратник, солдат-пехотинец. [Вишневецкий:] *Случись еще подобная тревога, Я жолнерам стрелять велю.* А. Остр. Дм. Самозванец. *Навстречу красноармейцу, по своей сторожевой тропинке, движется польский жолнер.* Н. Остр. Как закал. сталь. 2. То же, что жалонер. *Потом сам отправился вперед выбирать позицию для привала, осматривал ее, дожидался жолнеров, расставлял их, встречал дивизию, размещал полки.* Голуб. Багратион.») [БАС₁, IV: 23, 181].

Все это сохранено при переиздании [БАС₂, V–VI: 68, 161–162; БАС₃, V: 568, 679]. Ошибки второй словарной статьи были отмечены В.В. Виноградовым: «Так называемое второе значение, связанное с формой *жолнёр* <?>, является результатом контаминации со словом *жалонёр* (франц. *jalonneur*) (т. IV, с. 181). Таким образом, в данном случае мы имеем дело с историческим взаимодействием разных, хотя и близких по звучанию слов, с взаимодействием, приведшим к своеобразной омонимии <в современной лексикологии она получила название паронимии. – И.Д.>, а затем, по-видимому, и к частичному слиянию омонимов. В Академическом словаре антиисторизм в подходе к словарному материалу сказался в резком искажении семантической перспективы» [Виноградов 1956: 87; Добродомов 2003: 70–72].

К этому справедливому указанию В.В. Виноградова следует добавить, что в тексте ранних изданий романа С.Н. Голубова «Багратион», который не значится в числе источников большого академического словаря, читалось вовсе не ошибочное *жолнёр*, а орфографически ущербное (без употребления буквы *ё* в малоизвестном слове) *жалонер*: «дожидался жалонеров» [Голубов 1943а: 82–83; 1943б: 82–83]. Подмена одного созвучного слова другим произошла из-за некомпетентности редакторов последующих изданий романа С.Н. Голубова (начиная с 1947 г.), где стало печататься неуместное *жолнер* [Голубов 1947: 97–98]. Ошибка оказалась весьма агрессивной. Составители и редакторы словаря не заметили анахронизма в романе С.Н. Голубова, который ошибочно перенес слово *жалонёр*, обозначавшее реалию, существовавшую в русской армии лишь с 1819 г., во время жизни П.И. Багратиона (1765–1812) и не смогли подобрать безупречную цитату.

Все три рассмотренных случая (и полузабытое, но не такое уж редкое слово *супир* с вариантами, и два жаргонных выражения, зафиксированных В.И. Далем, и «странное сближение» *жалонёра* и *жолнера*) объединяются наличием неточностей в словарном толковании, обнаружить и исправить которые позволяет привлечение источников, содержащих материал для реконструкции предметного (для слов *супир*, *жалонёр* и *жолнер*) или реального (для *смотреть на Смольное / Знаменье*) содержания, стоящего за ушедшей в пассив номинативной единицей.

Представленные в настоящей статье лексикографические данные нового времени можно было бы оценить пессимистическими словами В.В. Виноградова: «На этом материале легко видеть, что восстановление полной семантической истории слова даже в пределах XVIII–XIX вв. только по данным толковых словарей почти невозможно» [Виноградов 1994: 41], – хотя большее количество привлеченных для исторических разысканий словарей способно побудить исследователей приблизиться к этой истории [Добродомов 1999: 21–35], но только трудный сам по себе для анализа текстовой материал, на котором должны строиться и словари, способен создать прочную базу для воссоздания истории слова¹¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашукин, Ожегов, Филиппов 1993 – Н.С. Ашукин, С.И. Ожегов, В.А. Филиппов. Словарь к пьесам А.Н. Островского. М., 1993.
- А.Я. 1895 – [А.Я.] Кнутъ // Энциклопедическій словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XV (29). СПб., 1895.
- Байбурин, Беловинский, Конт 2004 – А. Байбурин, Л. Беловинский, Ф. Конт. Полузабытые слова. СПб.; М., 2004.
- БАС₁ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- БАС₂ – Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. I–VI. М., 1990–1991.
- БАС₃ – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–8. М.; СПб., 2004–2007.
- Беловинский 1999 – Л.В. Беловинский. Российский историко-бытовой словарь. М., 1999.
- Бестужев-Марлинский 1981 – А.А. Бестужев-Марлинский. Сочинения: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. В.И. Кулешова. Т. 1. М., 1981.
- Бондалетов 2004 – В.Д. Бондалетов. В.И. Даль и тайные языки в России. М., 2004.
- Бронников (1990) – [А.Г. Бронников] 10000 слов: Словарь уголовного жаргона. [Пермь, 1990].
- Быков 1994 – В.Б. Быков. Русская феня. Смоленск, 1994.
- Вагнер 1885 – [Н.П. Вагнеръ.] Князь Костя. Изъ пансіонской жизни. Гл. IX–XVIII. Окончаніе // Русскій вѣстникъ. 1885. № 6.
- Виноградов 1956 – В.В. Виноградов. О некоторых вопросах теории русской лексикографии // ВЯ. 1956. № 5.
- Виноградов 1968 – В.В. Виноградов. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // ВЯ. 1968. № 1.
- Виноградов 1994 – В.В. Виноградов. История слов. М., 1994.
- Ганцовская 2003 – Н.С. Ганцовская. Костромское народное слово. Кострома, 2003.
- Голицынский 1860 – А.П. Голицынский. Уличные типы. М., 1860.
- Голубов 1943а – С.Н. Голубов. Багратион. М., 1943.
- Голубов 1943б – С.Н. Голубов. Багратион. М., 1943.
- Голубов 1947 – С.Н. Голубов. Багратион. М., 1947.
- Грачев 1997 – М.А. Грачев. Русское аргю. Нижний Новгород, 1997.
- Грачев 2003 – М.А. Грачев. Словарь тысячелетнего русского аргю. М., 2003.
- Грачев 2006 – М.А. Грачев. Толковый словарь русского жаргона. М., 2006.
- Григорович 1852 – Д.В. Григоровичъ. Проселочныя дороги // Отечественныя записки. Год 14-й. Т. LXXX. № 1–2; Т. LXXXI. № 3–4. СПб., 1852.
- Даль₁ – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. I–IV. М., 1863–1865.

¹¹ За ряд контекстов, любезно указанных Н.И. Епишкиным, В.Н. Калиновской, И.А. Пильщиковым, В.В. Шаповалом, автор выражает им свою признательность.

- Даль₂ – В.И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.; М., 1881–1882.
- Дилакторский 2006 – П.А. Дилакторский. Словарь областного вологодского наречия. М., 2006.
- Добродомов 1995 – И.Г. Добродомов. Проблема источников для русской исторической лексикологии нового времени // ВЯ. 1995. № 1.
- Добродомов 1996 – И.Г. Добродомов. Строить куры // Zeszyty naukowe Wyższej szkoły pedagogicznej w Rzeszowie. Seria filologiczna, zeszyt 20 / 1996. Językoznawstwo 3. Rzeszów, 1996.
- Добродомов 1999 – И.Г. Добродомов. История слова по лексикографическим данным и труды В.В. Виноградова по русской исторической лексикологии // Научные труды Московского педагогического гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. М., 1999.
- Добродомов 2002 – И.Г. Добродомов. Царское слово в поэме А.С. Пушкина «Граф Нулин» // Историко-лексикологические заметки: Межвуз. сб. статей. Орехово-Зуево, 2002.
- Добродомов 2003 – И.Г. Добродомов. Дмитрий Николаевич Ушаков // Отечественные лингвисты XX века. Ч. 3. М., 2003.
- Добродомов, Пильщиков 2002 – И.Г. Добродомов, И.А. Пильщиков. Облучок // Живое слово и жизнь. Архангельск, 2002.
- Добродомов, Шаповал 2005 – И.Г. Добродомов, В.В. Шаповал. О призрачных словах у лексикографов // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. Opole, 2005.
- Долопчев 1909 – В. Долопчев. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. Варшава, 1909.
- Дубягин, Теплицкий 1993 – Ю.П. Дубягин, Е.А. Теплицкий. Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона. М., 1993.
- Дубягина и др. 2006 – О.П. Дубягина, Ю.П. Дубягин, А.Г. Горелов, О.И. Гречишников. Средства коммуникации преступного мира. М., 2006.
- Дубягина, Смирнов 2001 – О.П. Дубягина, Г.Ф. Смирнов. Современный русский жаргон уголовного мира. М., 2001.
- Елистратов 1997 – В.С. Елистратов. Язык старой Москвы. М., 1997.
- Епишкин 1999 – Н.И. Епишкин. Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка. Чита, 1999.
- Жадовская 1885 – Ю.В. Жадовская. Полное собрание сочинений. Т. II. СПб., 1885.
- Иванов 1985 – Е.П. Иванов. Меткое московское слово. М., 1985.
- Инверс. индекс 2000 – Инверсионный индекс к Словарю русских народных говоров. СПб., 2000.
- Костин 1887 – М. Костинъ. Матросскій линчъ // Дѣло. 1887. № 2.
- Костин 1888 – М. Костинъ. На каменьяхъ // Русская мысль. 1888. № 1.
- Лейкин 1874 – Н.А. Лейкинъ. Веселые рассказы. СПб., 1874.
- Лермонтов 1956 – М.Ю. Лермонтов. Сочинения: В 6 т. Т. 5. М.; Л., 1956.
- Лермонтов 1980 – М.Ю. Лермонтов. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. Л., 1980.
- Лермонтов 1989 – М.Ю. Лермонтов. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Т. 1. Л., 1989.
- Лухманова 1904 – Н.А. Лухманова. Институтка. Роман. М., 1904.
- Марлинский 1833 – А.А. Марлинскій. Фрегатъ Надежда // Сынъ отечества и Сѣверный архивъ. 1833. Т. XXXIV. № 9–14; Т. XXXV. № 15–17.
- Михельсон – М.И. Михельсон. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т. 1–2. М., 1994.
- Мокиенко, Никитина 2000 – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- Нефедов 1868 – Ф. Нефедовъ. Дѣвичникъ // Отечественныя записки. 1868. № 9. 1 отд.
- Овсянников 1867 – Н.Н. Овсянниковъ. О торговлѣ на Нижегородской ярмаркѣ // Нижегородскій сборникъ. Т. 1. Ч. 2. Нижній Новгородъ, 1867.
- Огиенко 1911 – И.И. Огіенко. Словарь неправильныхъ, трудныхъ и сомнительныхъ словъ, синонимовъ и выражений въ русской разговорной речи. Киевъ, 1911.
- Одоевский 1844 – В.Ф. Одоевскій. Живой мертвецъ // Отечественныя записки. 1844. № 1–2. 1 отд.
- Островский 1869 – А. Островскій. Горячее сердце // Отечественныя записки. 1869. № 1.
- Островский 1974 – А.Н. Островский. Полное собрание сочинений: В 12 т. Т. 3. М., 1974.
- Пильщиков 1998 – И.А. Пильщиков. Жантильом, бель-фам и розовая ксандрейка // Пушкин. 1998. 1 июня. № 3 (9).

- Писарев 1823 – *А.И. Писаревъ*. Лукавинъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ въ стихахъ. М., 1823.
- Потапов 1927 – *С.М. Потапов*. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927.
- Редкие слова 1997 – Редкие слова в произведениях авторов XIX века: Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожникова. М., 1997.
- Рид 1986 – *П.Дж. Рид*. Геммологический словарь. Л., 1986.
- Рогожникова, Карская 1996 – *Р.П. Рогожникова, Т.С. Карская*. Школьный словарь устаревших слов русского языка. М., 1996.
- Ромбелинский 1910 – *А. Ромбелинскій*. Еще о драмѣ въ жизни писателя // Русская старина. 1910. № V.
- Росси 1991 – *Ж. Росси*. Справочник по ГУЛАГу. Ч. 1–2. М., 1991.
- Симаков 1913 – *В.И. Симаковъ*. Сборникъ деревенскихъ частушекъ. Ярославль, 1913.
- Сл. Новосиб. – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- Сл. орл. 1994 – Словарь орловских говоров. Вып. 6. Орел, 1994.
- Сл. Приам. 1983 – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- Сл. Приам. 2007 – Словарь русских говоров Приамурья. Благовещенск, 2007.
- Сл. русск. яз. XIX – Словарь русского языка XIX века. СПб., 2002.
- Сл. Ср. Урала 1987 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. IV. Свердловск, 1987.
- Снегов 1991 – *С.А. Снегов*. Язык, который ненавидит. М., 1991.
- Соболевский 1883 – *А.И. Соболевскій*. Греко-славянскіе этюды // Русскій филологическій вестникъ. 1883. Т. IX (год 5-й). № 1.
- Соболевский 1891 – *А.И. Соболевскій*. Лекціи по исторіи русскаго языка. СПб., 1891.
- Соллогуб 1845 – *В.А. Соллогуб*. Тарантасъ. Путевыя впечатленія. Соч. графа В.А. Соллогуба. СПб., 1845.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л.; СПб., 1965–.
- Станюкович 1907 – *К.М. Станюковичъ*. Полное собраніе сочиненій. 2-е изд. Т. XII. СПб., 1907.
- Стихотв. ком. 1964 – Стихотворная комедия конца XVIII – начала XIX в. М.; Л., 1964.
- Тимофеев 1902 – [*А. Тимофеев*] Тѣлесныя наказанія // Энциклопедическій словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. XXXIV (67). СПб., 1902.
- Тимофеев 1971 – *В.П. Тимофеев*. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971.
- Толк. сл. угол. жарг. – Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.
- Фаресов 1894 – *А. Фаресовъ*. Волга и волгари. Путевыя замѣтки // Сѣверный вѣстникъ. 1894. № 2.
- Шаповал 2007 – *В.В. Шаповал*. О некоторых ошибках в современных жаргонных словарях // ВФ. 2007. № 1.
- Шапошников 1969 – *В.И. Шапошников*. Красносельские ювелиры. Ярославль, 1969.
- Шеметова 1995 – *Р.Е. Шеметова*. Митя // Отечество. 1995. Вып. 6.
- Шеридан 1794 – [*Р. Шеридан*] Школа злословія. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. [Пер. И.М. Муравьев-Апостол]. СПб., 1794.
- Шишков 1932 – *В.Я. Шишков*. Странники. 2-е изд., перераб. Л., 1932.
- Шишков 1983 – *В.Я. Шишков*. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. М., 1983.
- Элиасов 1980 – *Л.Е. Элиасов*. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- Яросл. обл. сл. 1990 – Ярославский областной словарь. <Вып. 9.> С–Тятя. Ярославль, 1990.
- Jochym-Kuszlukowska 2005 – *L. Jochym-Kuszlukowska*. Rzeczowniki na *-unz* i *-ing* we współczesnym języku rosyjskim i polskim // Ogród nauk filologicznych. Opole, 2005.
- Piotrowski 2005 – *T. Piotrowski*. Pseudoanglicyzmy czy neoanglicyzmy? // Ogród nauk filologicznych. Opole, 2005.
- Słownik 1861 – Słownik języka polskiego / Wydany staraniem i kosztem Maurycego Orgelbranda. Cz. 1–2. Wilno, 1861.